

КИР БУЛЫЧЕВ

Последняя война

Магистраль. Главный тренд

Кир Булычев

Последняя война

«ЭКСМО»

1970, 1982

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Булычев К.

Последняя война / К. Булычев — «Эксмо», 1970,
1982 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-250728-1

Кир Булычев – автор легендарной Алисы Селезневой. По духу близок к братьям Стругацким. Экипаж корабля «Сегежа» и доктор Павлыш прибывают на планету Муна, уничтоженной ядерным взрывом. С помощью инопланетного прибора они воскрешают погибших из клеток, очищают атмосферу, строят новую жизнь. Мертвые буквально встают из пепла. Но в подземных бункерах выжили зачинщики войны. Они готовы взорвать планету во второй раз, лишь бы удержать власть. Может ли команда спасательной экспедиции остановить безумцев? Станет ли эта война действительно последней? Книга о втором шансе цивилизации и ответственности за жизнь планеты.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250728-1

© Булычев К., 1970, 1982
© Эксмо, 1970, 1982

Содержание

Последняя война	6
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кир Булычев

Последняя война

© Булычев К., наследник, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Последняя война

Глава 1 С опозданием на год

1

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К¹ «СЕГЕЖА»,
ПОРТ ПРИПИСКИ – ЗЕМЛЯ-14, Г/П 304089²

Капитан корабля – Загребин Геннадий Сергеевич.
Старший штурман (старпом) – Баков Алексей Иванович.
Старший механик – Лещук Александр Александрович.
Второй штурман – Бауэр Глеб Андреевич.
Второй механик – Антипин Иван Филиппович.
Третий штурман – Кудараускас Зенонас.
Третий механик – Ткаченко Кира Сергеевна.
Врач – Павлыш Владислав Владимирович.
Радист – Цыганков Юрий Петрович³.
Повар – Ионесян Эмилия Кареновна.
Практиканты – Райков Христо, Панова Снежина⁴.
Пассажиры – корона Аро, корона Вас.

2

СРОЧНО Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО
ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ ВАМ
ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ
31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА КЕНШ Г/П 312 ПРИНЯТЬ НА
БОРТ ПАССАЖИРОВ И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К
КОРОНА КЕНШ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ СОГЛАСНО УКАЗАНИЯМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Малыш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Малыш включил экран внутренней связи. На мостике капитан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера – Снежина и Христо – заглядывали через его плечи, слушали.

¹ К/к – космический корабль.

² Г/п 304089 – галактические позывные к/к «Сегежа».

³ Более известен по прозвищу Малыш.

⁴ Стажеры Софийского института космических исследований.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, – подумал Малыш. – Радиограмма персональная, срочная».

Малыш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, где за много миллионов километров ждет его Агнесса Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она оборачивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбегать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Малышом и не любит, если называют другие. Письмо уже потерялось на сгибах – кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета...

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Малыша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбросить его, не распечатывая. Малыш включил авторадиста, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозвучным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в кондиционерах, прищептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной – и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, прищепнул ладонью волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из своего кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгребал им, как веслом. Доктор был более других на «Сегеже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшись вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежине об аметистах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

– Послушай, Слава, – сказал Малыш. – На Титан не идем.

– Что случилось? – спросил доктор.

– Срочная с Земли, – сказал Малыш, показывая ему издали бланк, и хотел проследовать дальше.

– Стой. – Слава преградил путь рулоном бумаги. – Не веди себя как женщина.

– А как? – спросил Малыш.

– Знаешь, они говорят: «Ах, что я знаю, но тебе не скажу».

– Чудак. Видишь же: лично капитану. Выходим на randevу с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/п 312?

– Еще бы! Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежине.

«Ну вот, – подумал Малыш, оставшись в одиночестве. – Почему это не я скажу Снежине?»

– Как дети малые, – пробурчал он сам себе, открывая дверь в рубку. – Скажу, не скажу...

– Ты кому? – спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

– Себе.

– Что за депеша?

– Мастеру, – ответил Малыш строго.

– А почему не вовремя? – спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал лоцию сектора. – Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру. Рядом с Христо. Сделано это было с намерением – Христо невелик ростом, а Снежина значительно превосходила Малыша, и тот не любил стоять с нею рядом.

– Геннадий Сергеевич, – сказал Малыш, – вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежину и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

– Что там? – шепнул Христо, толкнув Малыша локтем. Загребин протянул вдоль пульта большую, мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

– Старшего помощника прошу подняться на мостик, – сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым – обманчиво добрым – голосом:

– Команда уже оповещена?

– Я сюда прямо из рубки, – ответил Малыш. – Разве не понимаю?

– Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

– Учись, – сказал капитан Малышу. – Алексей Иванович, прочтите, – продолжал он.

Малыш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Малыш задрал голову и сказал тихо:

– На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

– Шутишь, дуся, – сказал Глеб.

– Глебушка, – позвал капитан. – Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

3

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Кареновна никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, кухонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Зенонас Кудараускас – поставил мимо стола.

Иногда, если накатывало плохое настроение и надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекала тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглушенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирала голубые чашки.

– В первом же порту расчет, – говорила она, глядя в белую стену буфетной. – В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре заверещали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не портили обшивку.

Снежина заглянула в буфетную, хотела напиться, увидела, что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками:

– Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

– Никто, – сказала тетя Миля. – Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежина поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

– Я не верю. Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказывать придется. Да и хотелось.

– Я их ждала, – начала она. – Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине... В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела – каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

– А вы их разве на Земле не видали? – удивилась Снежина.

– Там у нас, на базе, другие были, двигатели монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А этих я как увидела – каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделать не смогла. Ой, идет...

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола – даже суставы побелели.

Снежина обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

– Ты иди, – произнесла тетя Миля тихо, не открывая глаз. – Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежина вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

– Это очень крупные ученые, – сказала она.

– Я знаю, – согласилась тетя Миля. – Во мне животный атавизм пробудился.

– Вы к ним обязательно привыкнете, – утешила ее Снежина. – Можно еще один пирожок?

– Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

– Извините, – сказал он. – Снежина за схемой пошла, а я жду. Извините. – У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. – Извините, – повторил он еще раз.

– Мы пошли. – Снежина отломилла практиканту половинку пирожка. – Все будет хорошо.

В коридоре Снежина вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4

В два тридцать гроыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали хоботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежина подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франции Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежина предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежина поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежина настолько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбнулась. «А ведь и мы им не нравимся, – подумала она. – И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежины на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сегеже».

– Идешь обедать, Снежка? – спросила она.

– Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

– Так, – сказала Кирочка. – А я одна боюсь в кают-компанию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я вхожу, а мастер скажет: «Вот наш третий механик, вы не думайте, что она у нас такая маленькая и тоненькая...» Ну, знаешь, как он всегда гостям говорит.

– Чепуха, – сказала Снежина, закалывая волосы на затылке. – Он тебя очень уважает.

– Я не об этом. Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

– Тетя Миля кончила расстраиваться?

– А что?

– Испугалась корон.

– По-моему, ничего особенного.

– Ну а как теперь? – Снежина обернулась к Кирочке.

– Я же говорю: ты как ни причешешься...

– А мне они сначала тоже страшными показались, – призналась Снежина. – Мир полон неожиданностей.

– Пошли, и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

– Жуткое зрелище, – сказал он. – Все правильно. Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

– С вашего разрешения, – кивнул Павлыш старшему штурману.

– Пожалуйста, – ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плавания вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компании.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежина прошла на свое место между Павлышом и Кудараускасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

– А где тетя Миля? – спросил Малыш.

– Эмилия Кареновна, – позвал Баков. – Мы вас ждем.

– И праздничный торт тоже, – вставил Малыш.

– Эмилия Кареновна не придет, – быстро сказала Снежина. – Она себя плохо чувствует.

– Как так? – Старпом строго посмотрел на Павлыша.

Павлыш густо покраснел – румянец мгновенно разбежался по щекам, подобрался к голубым глазам и даже залил лоб.

– Она ко мне не обращалась, Алексей Иванович.

– Ничего особенного. – сказала Снежина. – Медицинская помощь не требуется.

Как-то все одновременно замолчали, и затянувшаяся пауза заставила всех обернуться к двери. «Сейчас они войдут, – подумала Снежина. – Может быть, им тоже немножко не по себе. Они войдут, увидят длинный стол: на одном конце место капитана, на другом – старшего помощника. Нам этот стол уже настолько знаком, что мы его и не замечаем. А их может удивить. Допустим, у них вовсе столов нет. А там дальше, за полураздвинутой зеленой портьерой,

полукругом диван, перед ним шахматный столик, одной пешки не хватает; нарды: в них играют Малыш с доктором. На стене по обе стороны от двери – картины. Одна – чайный клипер, срывающийся в стремительном полете верхушки волн, другая – лесное озеро...»

Капитан Загребин открыл дверь, чтобы пропустить гостей. Сначала корону Аро, потом корону Вас, а может, и наоборот. Загребин вошел за ними.

– Добрый вечер, – сказал он.

Загребин был официален и несколько торжествен. Светлые волосы зачесаны назад, на макушке хохолок.

– Разрешите представить, – произнес он, – наших гостей. С сегодняшнего дня – членов экипажа.

Гости заняли все свободное место между столом и дверью. Они были на голову ниже Загребина, но куда тяжелее и массивнее. Хвосты они закинули на плечи, чтобы не задеть мебель. Концы хвостов, роговые, раздвоенные, чуть шевелились. Гостям было тесно и неудобно. Они волновались.

– Добрый вечер, – сказал один из гостей.

На груди у него висела черная коробочка лингвиста.

Члены экипажа по очереди подходили к гостям, чтобы представиться. Все отлично понимали, что этого не следует делать – церемония затянулась, каждому приходилось огибать стол, протискиваться между стульями, потом возвращаться на свое место. Загребин не догадался сказать: сидите, но ошибку исправлять не стал, а отступил на шаг, в дверной проем.

Когда дошла очередь до Снежины, она протянула руку, и рука короны, тонкая, шершавая, как газетный лист, легко сомкнулась вокруг ее кисти. Снежина посмотрела в глаза гостю, отклонив голову подальше от страшноватого рога на хвосте. Глаз было несколько. Они протянулись цепочкой поперек головы.

– Корона Аро, – сказал гость.

Чешуйчатая зеленая кожа на его теле оказалась тонким комбинезоном.

– К сожалению, – добавил Загребин после того, как Малыш, последний из членов экипажа, вернулся на свое место, – наши гости не могут обедать с нами в кают-компании. У них есть запас питания, которое отличается от нашего...

Снежине показалось, что со стороны буфетной донесся вздох облегчения.

Корона Аро – он был в более темном комбинезоне – потрогал концами соединенных перепонками пальцев сиденье кресла. Руки его были такими длинными, что ему даже не пришлось нагибаться. Загребин указал короне Вас кресло по другую руку от себя. Сам не сел – ждал, когда усядутся гости.

– Рискните, – сказал Павлыш.

– Разумеется. – Аро как-то сжался с боков, вытянулся, мягко вошел в круг сиденья, охваченного подлокотниками, и замер, будто ждал, не упадет ли кресло.

– Очень удобно, – сказал он.

– Интересно, сколько они весят? – спросила шепотом Снежина у Павлыша.

За столом наступила секундная тишина, и все услышали шепот Снежины.

За Павлыша ответил Аро:

– Около ста тридцати килограммов.

Баков посмотрел на Снежину укоризненно. Он умел укоризненно смотреть на практикантов. Снежина не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд.

– А я – сорок шесть, – сказала Кирочка Ткаченко, чтобы разрядить неловкую паузу.

– Спасибо, – ответил Аро.

Гришка в белом передничке заглянул в кают-компанию и спросил:

– Суп подавать?

– Пожалуйста, – кивнул Баков.

- И не забудь наших гостей, – сказал Загребин. – Ты знаешь?
- Да, я помню, – ответил робот.

Гришка поставил на стол супницу с борщом и принес коронам поднос с желеобразными кубиками.

– Передайте мне, пожалуйста, хлеб, – попросил Кирочку Малыш, краем глаза наблюдая за тем, как короны перекладывают кубики желе себе в тарелки. Они делали это ложками, посмотрев предварительно, как пользуются ложками люди.

5

– Слава, – спросила Кирочка Павлыша, – чем можно объяснить – такая древняя раса, а хвосты не атрофировались?

– Может, у них есть полезные функции, – ответил рассеянно Павлыш. – Надо будет поинтересоваться.

– Тебе хочется их исследовать? Взять анализ крови? – спросила Снежина, затягиваясь. На первом курсе ее чуть не исключили из института за курение.

– Бессмысленно. – Павлыш посмотрел в зеркало, похожее на Луи-Филиппа, и пригладил тугие кудри. – Все равно что шимпанзе захочет взять анализ крови у меня. Я сейчас о другом думаю: почему капитан до сих пор не рассказал нам, куда и зачем мы летим?

– Может, он сам не все знает? – предположила Кирочка.

– Они пошли на мостик, – сказала Снежина.

– Кто – они?

– Мастер, старпом и короны.

– А почему они все короны? – спросила Кирочка. – Бросила бы ты, Снежка, курить. Дышать нечем. Слава как доктор мог бы тебе сказать, что это вредно.

– Знаю без него. – Снежина погасила сигарету. – Хронический кашель курильщика, потом искусственные легкие и скучная старость в санатории.

– Может, и обойдется, – сказал Павлыш. – Чем мы можем быть полезны коронам? Я понимаю: если их надо куда-то подвезти, а собственный корабль далеко. Но ведь они же летели на своем.

– Вот что, Слава, – сказала Кирочка, – хочешь поспорим, что через полчаса ты все будешь знать?

– Капитан просит свободных от вахт членов экипажа собраться в кают-компании, – раздался голос Бакова по внутренней связи.

– За тобою, Слава, торт ленинградского «Метрополя», – улыбнулась Кирочка.

– И, кажется, уже восьмой, – заметила Снежина.

– А я и не спорил, – сказал Павлыш. – Кстати, тортов всего пять.

6

Короны сели рядышком на диван. «Я к ним еще привыкну», – подумала Снежина. Она успела забежать к тете Миле. Тетя Миля уже знала, что короны не будут питаться в кают-компании, и относилась к ним куда мягче. Она даже сказала: «Правильно, что привезли с собой продукты. Чего мучиться на нашем рационе? Чуть ли не всё – консервы. Луку всего килограммов пять осталось».

Загребин оглядел кают-компанию: все ли удобно устроились?

– Цыганков, – обратился он к Малышу, – в ногах правды нет. Разговор может получиться долгим. Эмилия Кареновна, вы не заняты?

– Иду, – отозвалась из буфетной тетя Миля. Капитана она не посмела послушаться. Тетя Миля села за спиной Бауэра, подальше от корон.

– Сначала, – сказал Загребин, – я прочту перевод одного донесения. Этот перевод только что закончил Мозг. Поэтому я не рассказал все сразу после обеда. Я понимаю, на вашем месте я бы тоже удивился: чего это мастер таится?

– А мы нет, – сказал уверенно Малыш.

– Не верю, – отрезал Загребин и развернул лист бумаги. Потом с секунду подумал, свернул его и снова продолжил: – Перед тем как прочесть, скажу в двух словах предысторию этого документа. Как вы знаете, Галактический центр в последние годы ведет большую работу, чтобы исследовать звезды, и в первую очередь планетные системы нашей Галактики. Работа эта долгая, трудная, и Галактический центр привлекает к ней всех, кто может быть полезен. Не исключено, что после окончания нашего рейса «Сегежа» тоже уйдет в дальний поиск. Почему я называю «Сегежу», вы, надеюсь, понимаете. Пока на Земле кораблей этого класса три. Двигатели для них монтировали с помощью специалистов Центра. Мы можем прыгать сквозь пространство. Без этого Галактику не освоишь. Так вот... – Загребин посмотрел на корон, которые сидели неподвижно, то ли опасаясь сломать диван, то ли внимательно слушали. В присутствии гостей Загребин немного стеснялся. Вроде бы стесняться нечего: корабль как корабль, и команда хорошая, а все-таки... – Так вот, – повторил Загребин, – в ходе этих исследований... Шестнадцать лет назад Галактический центр встретился с нами. То, что он встретился с нами случайно, хотя мы уже самостоятельно вышли в космос, говорит, как трудны эти поиски. Могли бы не встретиться еще десять лет. К настоящему времени исследовано семь процентов планетных систем Галактики. Еще процентов тридцать планет находится под наблюдением. Среди них существует несколько пригодных для жизни. Одна из таких планет названа условно Синяя. Туда мы и летим.

Стало очень тихо.

– Расстояние? – вдруг спросил Иван Филиппович Антипин, второй механик.

– Девяносто три световых года отсюда, – сказала корона Аро. – Большой прыжок.

Снова пауза. Тогда капитан пригладил хохол на затылке и продолжил:

– Возникают вопросы. Несколько вопросов. Они возникли у меня, значит, и у вас тоже. Первый вопрос: почему мы туда летим? Второй: почему именно мы? Третий: зачем? Правильно?

– Правильно, – подтвердил Антипин. У него эти вопросы тоже возникли.

– Сначала ответим на первый. Для чего я и прочту донесение. Это длинный и очень подробный документ. Он будет лежать здесь, на столе, и каждый может прочесть его целиком, не торопясь. Я тут подчеркнул некоторые места. На них и остановлюсь...

Загребин снова развернул мелко отпечатанный лист перевода.

– Начинается он обращением: «Галактическому центру. Доклад автоматического развед-диска г/п 31-4576. Цель полета – исследование планеты Синяя, на которой отмечен ряд взрывов большой мощности, очевидно, ядерного происхождения. Определение характера взрывов (сигнальный, конфликтный, нападение извне) и дальнейших мер».

– Ну и ну, – сказал тихо Павлыш.

– У меня у самого вопрос к нашим гостям, – произнес капитан.

– Пожалуйста, – ответил корона Аро.

– Откуда шло наблюдение за Синей планетой? Из Галактического центра? Визуально? Ведь расстояние – несколько парсеков.

– Другими словами, вы хотите спросить, когда произошли взрывы? Немногим более года назад, – сказал корона Аро. – Наблюдение велось не с нашей планеты, а с наблюдательной станции того сектора Галактики. А оттуда сигнал шел по каналу Галактического центра. Прак-

тически немедленно. Через три месяца после взрывов к планете ушел разведочный диск. Я правильно ответил на вопрос?

– Спасибо, – кивнул капитан. – Продолжим чтение: «При подлете к Синей планете уточнены ее физические характеристики. Диаметр по экватору – тринадцать тысяч километров, расстояние до светила...» Ну, тут идет целый ряд данных... ага, вот, что нас интересует: «Температура на поверхности в пределах от плюс до минус тридцати градусов по Цельсию; состав атмосферы: кислород – двадцать восемь процентов, углекислый газ, азот, инертные газы; семьдесят процентов площади планеты покрыты водой...» Ну и так далее. Теперь самое главное: «При первом облете планеты на высоте ста километров обнаружены многочисленные следы разумной деятельности населяющих ее существ. А именно города, гидротехнические сооружения, дороги, открытые выработки и так далее. Живых существ на планете нет. После перехода на более низкую орбиту стало возможным с уверенностью утверждать, что цивилизация на Синей планете достигла технологического уровня раннеатомной эпохи. Периода конфликтов. Очевидно, один из таких конфликтов стал для планеты губительным»...

Корона Аро медленно повернул голову, вглядываясь в лица членов экипажа. Все молчали. Ждали.

– ...«Радиация на планете достигает такого уровня, что биологическая жизнь того типа, который обитал на планете до возникновения конфликта, невозможна. Предполагаем, что, даже если кто-то из обитателей Синей планеты смог спрятаться во время катастрофы в подземном укрытии, к настоящему времени он уже погиб. Уровень радиации опускается крайне медленно. Во время конфликта на планету враждующими сторонами было сброшено несколько сот крупных ядерных устройств и уничтожено большинство населенных пунктов». – Загребин аккуратно сложил листок и разгладил его. – Вопросы есть? Ясно теперь, куда мы направляемся?

– Боже мой! – вздохнула тетя Миля. – Всю свою землю погубили?

– Да, – сказал корона Аро. – Не осталось даже животных, даже птиц. Там совершенно пусто.

– А как возник конфликт? – спросил Кудараускас.

– Мы еще не знаем.

– И наша задача узнать как можно больше о погибшей цивилизации?

– И это тоже, – подтвердил Аро.

Капитан Загребин сел рядом с гостями на диванчик. Предоставил им возможность отвечать на вопросы.

– Почему именно мы? – спросил Павлыш. – Наш капитан сам задал этот вопрос несколько минут назад.

– Я отвечу? – обернулся к капитану корона Аро.

– Конечно, – сказал капитан. – Вы лучше меня знаете.

Капитан положил на столик лист с переводом донесения, и тут же Антипин протянул руку и взял его со стола. Снежина заглянула Антипину через плечо. Донесение было напечатано на знакомом аппарате: еще вчера Снежина получала у Мозга консультацию по хранению запасных стержней; консультация была выполнена на такой же бумаге и этим же шрифтом.

– В документе, который взял механик Антипин, – сказал корона Аро (Антипин поднял голову, удивился, что корона уже запомнил его имя), – есть этому объяснение. Разведдиск совершил посадку в одном из городов, взял пробы воздуха, почвы, нашел кое-какие предметы, изготовленные обитателями Синей планеты. Среди них оказалось и вот это. – Аро оттянул зеленую чешуйчатую кожу на боку – обнаружился карман – и осторожно вытащил фотографию. На ней был изображен человек. Человек стоял на берегу озера, в тени остролистого дерева. Человек улыбался.

Последней фотографию рассмотрела Эмилия Кареновна. Она отдала ее обратно и громко всхлипнула. Малыш обернулся, хотел сказать что-то, но не сказал. Корона Вас подкрутил настройку лингвиста – видно, принял всхлипывание за непонятное и не переведенное лингвистом слово.

– Вот так, – сказал Загребин. – Туда мы и летим.

– На кладбище, – добавил Бауэр.

– Что же раньше-то не видели? – спросила тетя Миля.

– Знаете же, – сказала Кирочка, – увидели взрывы. И было поздно.

– Такое могло случиться и с нами, – заметил Кудараускас. – Но мы справились.

– Вы справились, – сказал корона Вас. – И мы тоже.

Голос его звучал очень ровно, нивелированный динамиком лингвиста.

Фотография человека на берегу озера легла на стол.

– Странное чувство, – произнесла Снежина. – Если бы я знала, что он просто умер, была бы фотография как фотография. А я знаю, что не только он умер – умерли все они. Представляете, все. Они строили дома, ездили друг к другу в гости. Думали, что их дети тоже будут строить дома и ездить в гости. И теперь нет никого – ни детей, ни домов. И некуда ездить в гости. И мы опоздали. На один год. И наверное, когда последние из них умирали, они знали уже, что больше ничего не будет. Так значительно страшнее умирать, когда знаешь, что больше ничего не будет...

– А почему все-таки мы? – спросил Бауэр. – Почему вы не полетели сами, на своем корабле?

– Это ясно, – ответил Малыш быстрее, чем успел сделать это корона. – Те были такие же или почти такие же, как мы. И мы лучше поймем все, что у них было. Лучше.

– Да, вы правы, – сказал корона Аро. – Вам ближе все, что создано на той планете. Когда мы получили донесение, то нас просто поразило совпадение. Природа редко повторяется. Вернее, совсем она не повторяется. Но так случилось, что Синяя планета очень похожа на Землю. И эволюция на ней проходила по похожим на земные путям. Конечно, бывшие обитатели ее – не совсем люди. Мы покажем вам материалы разведки. Они отличаются от вас. Но во всей Вселенной они существа наиболее близкие вам. И я понимаю ваши чувства. Очень прискорбно узнать, что во Вселенной у вас были братья и ваши братья погибли. Но если бы вопрос шел только о сборе материалов, мы не стали бы просить Землю, чтобы был выделен корабль для полета на Синюю планету...

Наступила пауза. Тишина. Малыш приоткрыл рот, чтобы сказать свое «я знаю», но промолчал. То был редкий случай, когда даже Малыш не знал, что сказать.

– Пожалуй, здесь трудно будет объяснить, – произнес капитан.

– Да, – согласился корона Аро. – Мы прибыли к вам не с пустыми руками.

Снежина поймала себя на том, что внимательно смотрит на тонкопалые руки короны, будто надеется что-то увидеть в них, нечто таинственное и значимое, ради чего «Сегежа» была снята с рейса и получила такое необычное задание.

– Не могли бы сейчас все пройти в нашу лабораторию? – попросил корона Аро. – Мы оборудовали ее в шестом грузовом отсеке. Там мы вам все покажем и объясним.

Оба гостя одновременно поднялись с диванчика и направились к выходу. В дверях корона Аро приостановился, чтобы пропустить Снежину вперед. Хвост он спрятал за спину.

Снежина сказала ему:

– Вы быстро усваиваете информацию.

– Я надеюсь в ближайшее время говорить с вами без помощи лингвиста, – ответил Аро, – у меня хорошая память.

Тетя Миля подождала, пока все вышли, чтобы все-таки быть подальше от корон. Но в лабораторию пошла. Тете Миле было очень жалко людей. Или почти людей, которые загубили себя. Она догнала в коридорчике Кирочку и сказала ей:

– Кира, вы уж спросите у этих, может, не они сами, может, кто к ним прилетел?

– Ну кто может прилететь?

– Галактика большая, – произнесла тетя Миля.

Павлыш услышал разговор и сам спросил:

– Скажите, корона Аро, а не могло так случиться, что жители планеты подверглись нападению извне?

– Очень маловероятно, – ответил, не оборачиваясь, корона. – Но на месте мы все узнаем.

8

Корона Аро подошел к зеленому пульта, занимавшему половину дальней стены. Робот обслуживания тихо откатился в сторону, чтобы не мешать ему. Корона Вас остановился у похожего на операционный стол аппарата, покрытого сверху прозрачным колпаком и соединенного шлангами и проводами со вторым, небольшим пультом у изголовья.

– Это опытная аппаратура, – сказал Вас. Если в кают-компании говорил в основном Аро, то здесь Вас был более уверен и разговорчив. – Мы закончили ее разработку несколько месяцев назад. В Галактике она пока неизвестна. И долго не была бы известна, не случись несчастья с Синей планетой. Назначение ее – оживлять погибших или умерших живых существ.

Павлыш как зачарованный подошел к столу.

– Если в теле сохранились наследственные клетки, можно восстановить по ним весь организм, – продолжал Вас. – В любом живом организме наследственные клетки хранят информацию, включающую его строение, функции, способ воспроизводства. Не только у нас – и на вашей планете давно уже научились читать эту информацию, вносить коррективы в нее, борясь с генетическими заболеваниями и пороками. И вы и мы много десятилетий назад научились искусственно выращивать зародыши. Следующий шаг – клетка.

– Браун в Массачусетсе работает с мышами, – сказал Павлыш. – Я читал. Но пока...

– Неудивительно, – ответил корона Аро. – Мы начали опыты значительно раньше. И у нас тоже долго не получалось. Проблема была в том, как прочесть информацию, заключенную в мертвой клетке.

– И сколько же времени после смерти клетка хранит информацию? – спросил Павлыш.

– Это зависит от условий, в которых она находилась.

– Но если вы воссоздадите организм по клетке, будет ли возвращена ему память? Вспомнит ли ваше существо о приобретенном опыте? Этого же нет в обычной клетке.

– Вы правы, доктор, – согласился Вас, нетерпеливо постукивая по полу кончиком хвоста. – Нам подходит не каждая клетка.

– Прошел год, – сказала Снежина.

– И все же мы не теряем надежды, – ответил Аро.

– Нам уже удавалось оживлять подопытных животных через несколько месяцев после их гибели, – дополнил Вас, – и сейчас мы продемонстрируем вам наше знание. К сожалению, в нашем распоряжении нет ни одного живого существа, которое можно было бы умертвить. Скажите, на вашем судне есть какие-нибудь животные?

Баков обернулся почему-то к Эмили Кареновне.

– Эмилия Кареновна? – спросил он строго.

– У меня мышей нет, – сказала тетя Миля. – И быть не может.

– Говорила вам, возьмем кота, – напомнила Кирочка. – На «Кейптауне» ведь восемь котят. Любого отдавали.

– Мы этого опасались, – сказал корона Вас и обернулся к Аро. Он отключил лингвиста. Разговор корон казался похожим на настройку симфонического оркестра – невозможно было уловить одну последовательную линию в разнотонных музыкальных звуках.

– Простите, – опять включился корона Аро. – Мы обсуждали возможность временно убить одного из нас. Но оставшемуся вряд ли удастся справиться с аппаратурой.

– Ну что вы, – успокоил его Загребин. – Мы что-нибудь придумаем, вы уж не волнуйтесь.

– Я к вашим услугам, – сказал Малыш.

– Не сходи с ума! – остановила его Кирочка.

– А почему бы и нет? Буду, по крайней мере, первым искусственно оживленным человеком. Повесть потом напишу. «Полчаса на том свете».

– Нет-нет, – отказался Вас. – Мы не согласны. Так нельзя рисковать.

Тетя Миля вдруг спросила:

– А если мороженую курицу?

– Курицу?

– Это такая птица, – разъяснил Бауэр. – Мы ее употребляем в пищу.

– Только она потрошенная, – сказала тетя Миля.

– Очень хорошо, – сказал корона Вас.

Тетя Миля поспешила в кладовую.

– Придется подождать, пока она согреется, – сказал корона Вас. – Это недолго.

– Мы подождем, – ответил Баков, и концы его пшеничных усов приподнялись.

Баков впервые летел старпомом и был подчеркнутым патриотом «Сегежи». Придирчиво следил за чистотой, здоровьем, образцовым состоянием экипажа и корабля. За это Павлыш порой ворчал на старпома. «Завтра начнет ставить пятерки и двойки за чистоту в каютах, – жаловался он Снежине. – Или считать калории в супе». Тетя Миля называла его «наш с усами», она не любила, когда посторонние распоряжались на камбузе или в буфетной.

– Мы подождем, – повторил Баков.

Все было в порядке. Мертвое животное на корабле нашлось, потому что на образцовом корабле должно быть все. Неизвестно, что может понадобиться на планете «Х».

Тетя Миля держала курицу за ноги, связанные тесьмой. Кожа курицы была покрыта инеем, переливалась фиолетовыми и желтыми пятнами. Когти растопырены, длинная шея замерзла, заоченел приоткрытый клюв.

– Я выбрала с головой, с мозгами, – сказала тетя Миля.

Вас взял курицу, положил на столик у пульта. Тельце гулко стукнулось о поверхность столика. Аро подкатил от стены зеленый блестящий ящик. Ящик послушно остановился. Вас откинул крышку, положил курицу внутрь. Корона Аро между тем привел в действие пульт, дрогнули стрелки, побежали по экранам пики.

– Минуты через три-четыре поднимем температуру до нужного уровня, – пояснил корона Вас.

– И вы собираетесь так оживлять людей там? – спросил Бауэр.

– Это зависит от того, найдем ли мы останки достаточной сохранности, которая позволит произвести эксперимент удачно. И вам понятно теперь, почему мы просили снять с маршрута именно земной корабль?

– Да, – произнесла Эмилия Кареновна.

Все повернулись к ней. Тетя Миля густо покраснела и выставила, как бы защищаясь, ладонь перед грудью.

– Я ничего не хотела сказать.

Губы короны Аро загнулись в подобие улыбки.

– Правильно, – сказал он. – Извините, но для нас не секрет: наш внешний вид несколько смущает Эмилию Кареновну. Он ей неприятен. Не так ли?

– Нет, что вы, – быстро проговорила тетя Миля. – Я уже привыкаю.

– Но еще не привыкли. А ведь вы были предупреждены о нашем прилете. Вы знаете, что Галактический центр объединяет существа очень разного типа. Может, даже видели наши изображения. Вы не пережили гибели своей цивилизации. Верно?

– Не пережила, – подтвердила тетя Миля.

– Мы решили, что, если оживим хотя бы одного жителя Синей, он должен очнуться среди существ, близких ему.

– Можно начинать, – заметил Вас, который, казалось, не слушал своего товарища.

Снежина шагнула поближе к операционному столу. Остальные тоже.

– Операция займет несколько минут.

Корона Вас положил обмякшую, мокрую курицу под сдвинувшийся колпак. Колпак тут же вернулся на свое место.

– Начинаем. – Аро нажал несколько клавишей на пульте.

Поверхность стола ожила. Из нее выросли зажимы, щупы, иглы, и через несколько секунд курица была крепко опутана и почти скрыта под их слоем. Аппарат тихо заурчал. Снежина достала сигарету, но закурить не решалась.

Она смяла ее пальцами, и табак рассыпался по полу. Баков заметил и сердито зашевелил усами, но ничего не сказал. «Потом скажет», – подумала Снежина.

– В течение первой минуты мы анализируем состав тела, структуру клеток, – сказал Вас.

Павлыш отошел к пульту и старался угадать логику в показаниях приборов.

– Мы просим вас помочь нам, – обратился к нему Аро. – Это несложно.

Минуты тянулись страшно медленно. Секундные стрелки двигались вдесятеро ленивее, чем положено...

Павлыша вдруг охватило холодное чувство надвигающейся неудачи, провала. Сейчас пройдет еще несколько минут, корона Вас засуетится растерянно у приборов, Аро взмахнет вежливо хвостом, скажет: «Простите, но аппаратура экспериментальная...» Однако короны молчали.

– Смотрите, – сказал Христо. – Перо.

Кожа курицы дрогнула. Тонкие стружки молоденьких перьев просверливали ее и росли, как белые былинки.

– Правильно? – спросил Вас. – Я не видел раньше курицу.

Чуть шевельнувшись, наливаясь кровью, гребешок, и дрогнула нога, подтягивая когти.

«Ой, – подумала Снежина, – сколько нам еще работать, пока мы станем как они. Человек – венец создания. Показать бы средневековым людям кого-нибудь из корон. Человек – венец создания. Чьего? Вот настоящие создатели. Наверное, Павлыш им завидует даже больше, чем я. Он специалист».

Веки курицы дрогнули, она приоткрыла клюв и издала короткий, хриплый звук. Ей хотелось встать, но, крепко связанная, она могла только озираться.

Аро отключил аппаратуру. Вас приоткрыл колпак. Щупы и ленты спрятались в стол. Курица забила крылом, встала неловко, будто обучаясь, сделала шаг, торжествующе заклекотала и, замахав крыльями так, что в лаборатории поднялся ветер, слетела по широкой дуге на пол.

Все стояли, будто примерзнув к полу, глядели на курицу, а та как ни в чем не бывало подошла к рассыпанному Снежиной табаку и попробовала склевать крошку.

– Ну как? – спросил корона Вас.

– Убедительно, – кивнул Павлыш.

– И вся эта операция заняла двадцать восемь минут, – сказал Антипин.

– Дура эта птица, – произнесла Снежина. – Хоть бы что – гуляет.

– Что ж, я полагаю, что демонстрация окончена. – Загребин посмотрел на часы. – У нас очень много дел. И по-моему, куда больше оснований спешить к Синей планете, чем раньше. Я думаю, что лучше всего мы выразим восхищение работой наших коллег, если сможем провести подготовку к большому прыжку и выход в точку прыжка за сорок часов. На вахты идут все. Мы со старшим штурманом и стармехом поднимемся на мостик. Остальных попрошу начать подготовку. Еще раз спасибо.

Последнее относилось к коронам. Капитан вышел из лаборатории. За ним поспешил Баков.

Расходились не сразу. Павлыш расспрашивал корон об аппаратуре. Бауэр помог тете Миле поймать курицу.

Малыш посмотрел на них и вдруг хихикнул.

– Ты что? – спросила Кирочка Малыша.

– Я подумал: паровое мясо нам обеспечено. В морозильнике должны быть коровьи туши. Скоро крупный рогатый скот примется расхаживать по кораблю.

– Ты с ума сошел, Малыш, – сказала Кирочка. – Я ужасно боюсь быков и коров. Они бросаются на красное, а я – рыжеватая блондинка.

9

– Сначала я себя чувствовал очень неловко, – сказал корона Вас. – Мы вторглись в ваш мир, даже перепугали Эмилию Кареновну.

– Нам тоже было не по себе, – проговорила Снежина. – Вы бы сиделись.

– Если не возражаете, на пол. У нас нет стульев в вашем понимании.

– Садитесь. Вам налить соку?

– Апельсинового, – попросил корона Вас. – Опять у Аро кончается белок, а синтезатор никак не наладим.

– А вот нам вы помогли, – сказала Снежина, открывая банку с соком. – Вы знаете, тетя Миля соорудила птицам загон и ждет, когда они начнут нестись.

– Нестись?

– Ну, яйца нести, зародышей. Мы их тоже едим.

– Прискорбно, что наши братья по разуму – отъявленные хищники, – сказал Вас.

– Сегодня входим в большой прыжок, – перевела разговор Снежина. – Придется лезть в гермованну. Опять всю прическу испорчу.

Вас был абсолютно лыс. Он не мог понять соображений об испорченной прическе.

– Хороший сок, – заметил он. – Немного кислый.

Он приоткрыл один из карманов, достал какой-то пакетик, насыпал в стакан порошка. Сок вскипел и потемнел.

– Теперь совсем хорошо, – сказал корона Вас. – Я последние полгода не выходил из лаборатории. Когда близко решение большой задачи, остальное отступает на задний план. И однажды мы включили наш аппарат и вложили туда высушенную труку – это такое насекомое. И вдруг он подпрыгнул.

Воспоминание было таким ярким, что Вас закрыл все глаза и застыл с поднятым стаканом в перепончатой руке.

– Мы бы еще долго испытывали. И вдруг это известие. Тогда к нам прилетел Координатор и спросил, сможем ли мы немедленно вылететь к Синей планете. Это большая честь. И я чувствую себя великим ученым.

– Вы не страдаете излишней скромностью, – улыбнулась Снежина.

– А разве я не прав? Чье изобретение было применено для того, чтобы спасти целую планету?

– Вниманию пассажиров и членов экипажа, – вдруг произнес динамик в углу. – Через двадцать минут объявляется готовность номер один к прыжку через пространство. Просим всех членов экипажа проверить состояние кают и служебных помещений. Для пассажиров подготовлены ванны второго резервного отсека. Повторяю, второго резервного отсека.

– У нас еще есть несколько минут, – сказал корона Вас. – Я немного опасался, что различия во внешнем облике, в привычках помешают нам работать вместе. Но, по-моему, прошедшие пять дней...

– Тетя Миля вчера сама к вам в лабораторию ходила. Одна, – напомнила Снежина.

– И, пока ждала, рассказывала Аро, что на Земле есть небольшие земноводные, похожие на нас. И она с детства их не любит.

– Они называются жабами, – добавила Снежина. – Они крайне низко организованы.

10

Когда роботы заdraивают колпаки ванн, в которых членам экипажа придется перенести ничтожно малое и в то же время бесконечно долгое время большого прыжка, люди начинают думать быстрее, чем обычно. Вся эта процедура чем-то похожа на собственные похороны. Правда, сравнение это бродит только среди курсантов и журналистов. Космонавты стараются делать вид, что дематериализация во время прыжка – обычная и несложная процедура, проще, чем перегрузки торможения. И все-таки...

Двигатели того типа, что стоят на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него появились незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем, они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта, наверное, представляет интерес для родных и близких...

Двигатель, установленный на корабле Галактического центра, позволял перемещаться через нуль-пространство так называемыми прыжками. Так что сам полет состоял из вылета в открытый космос, набора крейсерской скорости, подготовки к прыжку и затем снова торможения у нужной точки пространства. Полет на Плутон и полет на окраину Галактики занимал примерно одно и то же время – три-четыре недели. Столько требовали процедуры разгона и торможения.

«Сегежа» была одним из первых кораблей, построенных с галактическим двигателем. Она была диском около ста пятидесяти метров в поперечнике – издали ее трудно было отличить от других галактических кораблей. Полет на Титан, с которого ее сняли для участия в спасательной экспедиции на Синюю планету, был ее вторым путешествием. До этого в прошлом году «Сегежа» участвовала в экспедиции к Сириусу. Так что для большинства членов экипажа прыжок был уже не в новинку. И капитан, и Бауэр, и Кудараускас были знакомы с ощущением медленного, не очень приятного погружения в сон и еще более неприятного пробуждения после выхода из прыжка.

Болгарские практиканты и Баков летели на таком корабле впервые. Они, правда, провели несколько сеансов в тренажных ваннах Памирского института. Но там прыжок был условен. Когда просыпаешься, видишь все тот же пик Маяковского и то же стадо яков, которое успело за время, пока ты был без сознания, опуститься на несколько сот метров с перевала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.